

ние получает иную форму. Если у молодого Фета внешний мир обычно вызывает психологическую реакцию, представленную в финальной интериоризации, – то позже само психологическое состояние чаще становится объектом анализа. Это имеет по крайней мере два следствия: внутренний мир сравнительно независим от внешнего, и он предстает перед читателем как конкретный вещественный объект. Таким образом, кроме интериоризации перед нами еще и экстериоризация.

Скрещение внутреннего и внешнего появляется уже в стихотворениях 50–60-х гг., отредактированных Тургеневым. То или иное психологическое состояние может вызвать воображаемый мир, представленный как внешний (как в стихотворении “Певице”, 1857), и оно даже может противостоять вымышленному миру, представленному как “настоящий”. В стихотворении “Какая грусть! Конец аллеи ...” (1862), например, концовка представляет воображаемое убежище поэта – т.е. внутренний мир, символически представленный как внешний (“родной край” души, где “цветет весна и красота”) и противопоставленный “настоящему” миру стихотворения. В стихотворении “Не спрашивай, над чем задумываюсь я ...” (1854), по наблюдениям Л.М. Лотман, психологический мир представляется посредством образов внешнего мира, а конечная часть текста отличается от начала большей конкретностью (14, с. 195).

Экстериоризация идет еще дальше в стихотворении 1892 г., где сами психологические переживания приобретают вес и внешний вид:

Все, что волшебнo так манило,
Из-за чего весь век жилось,
Со днями зимними остыло
И непробудно улеглось.

Нет ни надежд, ни сил для битвы –
Лишь, посреди ничтожных смут,
Как гордость дум, как храм молитвы,
Страданья в прошлом восстают.

[2, с. 124].

Душевный “пейзаж” стихотворения служит в обеих строфах одному и тому же процессу метафорической материализации, и наиболее конкретный образ появляется в концовке. Страдания обычно метафорически называются “тяжелыми”, и эта тяжесть здесь становится реальной, приобретая зримую форму. Обычно (даже в антологических описаниях скульптур) зрительная концовка передает восприятие мимолетного впечатления от мимолетной же действительности, очень часто – посредством синекдохи, путем детализации более общей картины: “Только ты, моя

милая птичка, / В теплом гнездышке еле видна” [2, с. 152]; “И из стужи мертвых грез / Проступают капли слез” [2, с. 140], “Вакханка быстро отвернулась с криком / И от струи приподняла тимпан” [2, с. 234].

Однако в данном стихотворении концовка придает устойчивую вещественность совершенно абстрактному понятию, захватывая при этом все пространство стихотворения. Зрительная перспектива и “твердость” изображения – экстериоризация – напоминают слова самого Фета: “Пусть предметом песни будут личные впечатления: ненависть, грусть, любовь и пр., но чем дальше поэт отодвинет их от себя как объект (...) тем чище выступит его идеал” [15, с. 148]. Эти слова написаны в 1859 г., но они так же хорошо выражают поэтику стихотворения 1892 г. Они показывают, что в те годы, когда Фет писал “У камина”, он уже думал о том, чтобы приспособить свою технику для передачи внутреннего опыта в виде внешних впечатлений. Этой поэтике он остался верен до конца жизни.

Теперь нам виднее, в чем была для Некрасова новизна концовки “У камина”; и эта новизна не случайна, а является чертой более поздней фетовской поэтики. Откуда она взялась? Отвечая на этот вопрос, удобно обратиться опять к критическим статьям поэта. Они, правда, написаны немного позже, чем “У камина”, но, во-первых, стихотворение явно смотрит в будущее, а во-вторых, самая существенная для нас статья – запоздалый отклик Фета на событие не того 1859 г., когда статья появилась, а 1854 г. Это – первое издание собрания стихотворений Тютчева – за два года до написания “У камина”. В статье “О стихотворениях Ф. Тютчева” Фет формулирует обобщенные принципы, на которые натолкнуло его чтение стихов Тютчева. Самое интересное, однако, что это не общие положения, а реакция Фета на стихотворение Тютчева “Как над горячею золой ...” (впервые опубликовано в “Современнике” в 1836 г.), в котором Фет особенно хвалит концовку:

Как над горячею золой
Дымится свиток и сгорает
И огонь, сокрытый и глухой,
Слова и строки пожирает.

Так грустно тлится жизнь моя
И с каждым днем уходит дымом;
Так постепенно гасну я
В однообразьи нестерпимом.

О небо! если бы хоть раз
Сей пламень развился по воле,
И, не томясь, не мучась доле,
Я просиял бы и погас.